

Чудовище в плену красавицы

Автор:

Мейси Эйтс

Чудовище в плену красавицы

Мейси Эйтс

Любовный роман – Harlequin #836

После ужасной аварии принц Адам потерял жену и неродившегося сына. К тому же остался обезображенным до неузнаваемости. Его душа ушла во мрак, и несколько лет он не покидал своего замка... Пока однажды его не заснял на камеру один пожилой репортер, которому отчаянно требовались деньги. Захватив надоедливую папарацци в плен, Адам привлек внимание прессы и решил вновь заявить о себе, вернувшись на трон. Но вдруг в его жизнь вторгается новый персонаж – красавица Белль, которая прилетела спасти своего отца. Удастся ли ей смягчить жесткое сердце принца, которого в народе прозвали Чудовищем?

Мейси Эйтс

Чудовище в плену красавицы

* * *

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

The Prince's Captive Virgin

©2017 by Maisey Yates

«Чудовище в плену красавицы»

© «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

Глава 1

Однажды, давным-давно...

Взглянув на огромный мрачный замок, Белль потуже запахнула пальто. Здесь, на маленьком острове в Эгейском море, где-то между Грецией и Турцией, было довольно прохладно.

Впервые услышав об Олимпиосе, она сразу представила себе Средиземноморье. Белые домики, голубое небо, бескрайнее море. Днем наверняка картина была именно такой. Но вечером, когда на остров опустилась тьма и с океана подул сырой ветер, девушка оказалась застигнутой врасплох.

Хотя старинной крепости не удивилась. Если бы не огоньки в окнах, никто бы не догадался, что в ней до сих пор живут. А чего еще ожидать от человека, который пошел на крайности, желая отомстить какому-то фотографу?

Принц Адам Казарос захватил в плен ее отца-репортера в момент съемки, взбесившись из-за ничего не значащих снимков, которые попали в прессу без его разрешения.

Белль должна была преодолевать страх. Принц явно лишился рассудка. Но ей прибавляла сил ярость, кипевшая внутри ее с той минуты, как стало известно о

судьбе отца.

Страх сейчас словно обходил ее стороной. А ведь преследовал ее всю жизнь. Она боялась потерять отца и их уютное гнездышко, где она поселилась после того, как мать бросила ее четырехлетнюю. Боялась стать эгоисткой, одержимой сиюминутными желаниями, какой была и наверняка остается ее мать.

Страх исчез. Белль спокойно вошла на борт самолета в Лос-Анджелесе, сделала пересадку в Греции и долетела до Олимпиоса.

Можно было только надеяться, что бравада продлится.

Тони чуть не обезумел, узнав о ее плане. Они встречались уже восемь месяцев, и ему хотелось больше участвовать в ее жизни, но она сопротивлялась. Как сопротивлялась и физической близости.

Тони был ее первым парнем, а она привыкла иметь личное пространство и независимость и не собиралась отказываться от потребности в уединении.

По иронии судьбы, сегодня она и должна была это сделать.

Девушка с удивлением обнаружила, что дворец никто не охранял. Поднимаясь по ступеням к грубо отесанным дверям, она не заметила ни единой живой души. Ей так хотелось взглянуть на календарь в телефоне, не вернулось ли время на пару веков назад.

Она поднесла кулачок к двери и засомневалась, стоит ли стучать. В итоге схватилась за железное кольцо и дернула его. Дверь раскрылась со стоном и скрипом, словно ее не открывали уже очень давно. Но Белль знала, что это не так. Несколько дней назад сюда приехал отец и, если верить слухам, попал в заточение.

Внутри Белль встретило неожиданное тепло. На стенах висели канделябры. Огромный каменный вестибюль, как во всех замках. Хотя туда ее приглашали нечасто.

Что и говорить, домик на берегу моря в Южной Калифорнии, где они жили с отцом, отличался от замка как небо и земля.

Однако увиденное абсолютно не совпадало с ее представлением о королевской знати. Сама она никогда не бывала ни в роскошных домах, ни на вечеринках знаменитостей в Беверли-Хиллз, а вот ее отец по долгу службы часто фотографировал знатных особ и знаменитостей.

- Ау? - произнесла она, с запозданием осознав, что выбрала не лучшее приветствие. Но адреналин придавал ей уверенности и сил. У нее есть миссия, и она намерена ее исполнить.

Когда принц все поймет, он с радостью отдаст отца на ее попечение. Когда принц узнает о состоянии его здоровья...

- Ау? - повторила она.

Вдруг раздались тихие шаги. Белль повернулась в сторону коридора, выходящего из вестибюля, и увидела высокого, худощавого мужчину.

- Вы потерялись, kyria?[1 - Госпожа (фр).]

Его доброжелательный тон совершенно не вязался с суровой обстановкой.

- Нет. Меня зовут Белль Чемберлен, я ищу своего отца, Марка Чемберлена. Принц насильно держит его здесь... Боюсь, ему не все известно.

Слуга - или тот, за кого она приняла этого мужчину, - приблизился, и выражение его лица прояснилось. Он выглядел озабоченным.

- Вам лучше уйти, госпожа Чемберлен.

- Мой отец болен, он должен лечиться дома, в Штатах! Ему нельзя здесь находиться. Нельзя лишать его свободы только потому, что принцу не понравились какие-то фотографии!

- Принц тщательно оберегает личное пространство, - произнес слуга. - И любое его слово... Закон.

- Я не уеду без отца! И не уеду, пока не поговорю с принцем! Кстати, безопасность у вас на грани фантастики. - Белль огляделась. - Меня никто не остановил на входе. Ясное дело, отец проник сюда с легкостью. Если принц хочет держать свою жизнь в секрете, пусть над этим лучше поработает. - Знаменитости, которых снимал отец, шли на все, лишь бы укрыться от его телеобъектива. Принц плохо подготовился.

Может, она слишком цинична, но ведь ее вырастил папарацци. Звезды наживаются за счет своих изображений, к тому же они публичные персоны. Отец просто был частью системы.

- Поверьте мне, - сказал слуга. - Вам не следует разговаривать с принцем.

Белль вытянулась, словно пытаясь казаться выше своего маленького роста.

- Поверьте мне, - парировала она. - Я непременно поговорю с принцем. Его деспотичные действия по отношению к гражданину Америки меня несколько не впечатляют! И вообще, если у него подбородок в шрамах, круглая челюсть или впалая грудь, взял бы деньги, не потраченные на ремонт замка, и вложил бы их в пластического хирурга! И не понадобилось бы мучить человека из-за неудачных ракурсов!

- Подбородок в шрамах? - раздался в темноте голос, совсем не похожий на голос слуги. Глубокий и низкий, он эхом отражался от каменных стен и резонировал в теле девушки. И вот тут по спине Белль прошел холодок. - Это что-то новенькое. Если честно, к хирургу я не собираюсь. лягу под нож и как минимум потеряю терпение.

- Принц Адам! - возвестил слуга с благоговением.

- Можешь идти, Фос.

- Но, ваше величество...

– Не нужно заискивать передо мной! – отрезал принц, и его голос показался каменным, как и стены замка. – Выглядишь глупо.

– Как скажете, – пробормотал Фос и исчез во мраке.

Белль осталась без возможного союзника. Наедине с бездушным голосом, который прятался в чернильной тьме.

– Итак... Ты явилась сюда проведать отца.

– Да, – робко ответила она. Глубоко вздохнув, девушка попыталась взять себя в руки.

Обычно ее было непросто смутить. Детство она провела в дорогих частных школах, куда никогда бы не попала, если бы не доверительный фонд, основанный ее умершим дедушкой.

Одноклассники знали, на какие деньги она училась, поэтому ей пришлось воспитать в себе волю. Все над ней издевались. Из-за ее бедности, из-за того, что ее мысли вечно были в облаках. К тому же Белль не вылезала из библиотек. Однако все эти истории, придуманные миры служили ей защитой. Помогали абстрагироваться от внешней пугающей среды, не замечать насмешек.

Она жила среди жестоких звездных отпрысков. С ними не потягаться принцу страны размером с почтовую марку.

Белль услышала тяжелую поступь, но мужчина по-прежнему оставался невидим.

– Я арестовал твоего отца, – пророкотал принц из темноты.

– Знаю, – ответила Белль как можно спокойнее. – По-моему, это было ошибкой.

Он ухмыльнулся. В комнате как будто стало холоднее.

– Ты авантюристка или просто глупая женщина? Заявилась в мою страну, ко мне домой, и оскорбляешь меня!

– Я просто беспокоюсь об отце. Вы что, не понимаете?

– Куда мне! Я о своем отце давно не беспокоюсь. Ему прекрасно лежится на кладбище.

И что на это отвечать? Выразить сочувствие? Да этот тип плевать хотел на ее сочувствие!

– К сожалению, моего отца скоро ждет та же участь. Он болен. Ему нужна помощь. Именно поэтому он вас и снимал – чтобы оплачивать лечение, которое не покрывает страховка. Он фотограф, и это его работа.

– Даже слышать не хочу об отбросах типа папарацци. В моей стране их деятельность запрещена.

– Никакой свободы печати? – Белль скрестила руки на груди.

– Никакой свободы отслеживать людей, как зверье, только потому, что кто-то коллекционирует фотографии!

– А зачем вас отслеживать? – сказала Белль с нескрываемым раздражением. – Я без труда проникла в замок. А отцу, с его опытом, было еще проще.

– Тем не менее его схватили. К несчастью, он успел отправить снимки в Америку, а его босс не идет со мной на контакт, так что...

– Так что их издадут специальным выпуском в конце недели. Я уже общалась с «Дейли стар».

– Их заинтересовала моя возросшая популярность, и теперь они хотят получить исключительное право на фотографии.

– Они даже не упомянули, что мой отец болен! – посетовала Белль.

– А кому до этого есть дело? Его же не волновали мои недуги!

– Ваши недуги смертельны?! – вскипела Белль. – Если он не вернется в Штаты и не продолжит лечение, он умрет. Я не позволю этому случиться! Вы решили посадить его в тюремную камеру. Зачем это вам? Потешить самолюбие? Он же для вас бесполезен!

Шаги приблизились, но Белль различила лишь темный силуэт.

– Может, ты и права. Для меня он бесполезен. Но из него выйдет отличный пример.

– Пример для кого?

– Для всех, кто осмелится совершить что-то подобное. Сколько можно третировать мою семью? Пресса всколыхнулась и решила подлить масла в огонь, потому что на носу третья годовщина аварии? Я этого не допущу.

– Значит, вы не против, чтобы умирающий фотограф сгинул у вас во дворце? Никогда не слышали, что злом зла не поправишь?

– Ты заблуждаешься! – гневно проговорил принц. – Я не собираюсь ничего поправлять. То, что со мной сделали, уже не изменить. Сейчас я жажду расправы!

Судя по звуку, мужчина от нее отвернулся. И пошел прочь.

– Нет!

– Я все сказал, – отрезал принц. – Слуга тебя выпроводит.

– Возьмите меня вместо него... – слетело с ее дрожащих губ. – Позвольте занять его место.

– Но зачем? – Принц снова приблизился к Белль.

Она часто заморгала, мысленно посетовав, что не обладает ночным зрением.

– Я же не больна. Я могу сидеть под стражей сколь угодно долго. Мне это по силам. – Загвоздка заключалась в том, что Белль собиралась получить степень магистра по литературе, но ради жизни отца она пожертвует клочком бумаги.

– На кой черт тебе это?

– Просто объявите, что это я сделала снимки. И втянула принца в неприятности. Пусть примером стану я. – Он молчал. В комнате все стихло, и она решила, что принц ушел. – Прошу!

– Легенда слабоватая. Нет.

– Но вы же собирались наказать его в назидание остальным...

– Верно. Тем не менее... тебе найдется более изощренное применение.

По ее телу пробежали мурашки. Страх.

– Хотите, чтобы я...

– Если бы я хотел проститутку, я бы уже ее вызвал. Дело в том, что ты... Красивая. Необычная. Я сейчас в непростой ситуации. Твой отец не просто так решил меня снять. Последние три года страной правил наместник. Его срок подходит к концу. Я должен сделать выбор – либо отречься от престола, либо вернуть свое по праву.

Во рту Белль появился странный металлический привкус.

– И что же вы решили?

– Больше не прятаться, – ответил принц. – Я вернусь на трон и докажу, что еще на многое способен. Ни меня, ни мою страну не сломить! И я не прогнусь под натиском прессы.

– Ну, знаете... Я не смыслю в государственных делах. Ничем помочь не могу.

– Глупая! Мне не нужны твои мозги. Мне нужно то, чем я сам больше не владею. Мне нужна твоя красота.

Белль с трудом следила за ходом его мыслей.

– Значит, по рукам.

Он не дал ей времени отреагировать. Скоропалительное заявление ошеломило ее, и от страха у нее подкосились ноги.

– По рукам... – Белль не до конца понимала, на что согласилась.

– Отлично. Сейчас Фос сообщит твоему отцу, что он свободен.

Белль не знала, что и сказать. Победой здесь и не пахло. Ей было страшно настолько, что ее бил озноб. Она стала пленницей, согласившись занять отцовское место в замке безумца.

– А можно мне... увидаться с отцом, прежде чем он уедет?

– Нет, – отрезал принц. – Это повлечет за собой ненужные слезы. А я окончательно потеряю терпение.

– Так чего именно вы от меня ждете?

– Ты, наверное, слышала, что за любым успешным мужчиной стоит женщина? Вот ты и будешь этой женщиной. Немного смягчишь мой... образ тирана и затворника.

Принц повернулся и пошел прочь.

– Стой! – воскликнула Белль, охваченная паникой.

Мужчина остановился.

– Слуга проводит тебя в твою комнату.

Только не в комнату, а в подземную камеру... У нее кровь застыла в жилах, словно ее накачали наркотиками.

– Тогда можно мне хотя бы на вас посмотреть?

Нет, никакой он не монстр, блуждающий во тьме. Он обычный человек. Только, наверное, со впалой грудью.

Принц не выходил на свет, потому что боялся. Потому что он принадлежал к породе тиранов, которых нельзя даже обсуждать, не заручившись разрешением. Нечего переживать. Сейчас она посмотрит ему в глаза и убедится в этом.

– Раз ты настаиваешь...

Его силуэт стал более четко различаться во тьме. Потом в круге света появилась его нога, а затем показался и он сам.

Рост и вес Белль угадала правильно: мужчина оказался не просто крупным, а огромным, широким и очень высоким. Но ужас был не в этом. Ужас был в его лице.

У него не было ни израненного подбородка, ни круглой челюсти. Напротив, черты его лица были совершенными. Поэтому увечья на них выглядели кошунственно.

Его темно-золотистая кожа была изуродована, покрыта рытвинами, глубокий шрам пересекал один глаз. Настолько глубокий, что бокового зрения принц наверняка лишился. Сохранил ли он способность улыбаться? Еще один шрам украшал рот, так что уголки его губ всегда были опущены.

В этот момент Белль осознала, что ее взял в плен не человек. Ее взяло в плен чудовище.

Принца Адама Казароса больше нельзя было назвать привлекательным. Авария, забравшая жизнь его жены, превратила его лицо в сплошную рану. Но его это не волновало. В нем осталось слишком мало человеческого. Можно было выразиться более поэтично: теперь его внешность соответствовала тому, что внутри.

Хотя взять девчонку вместо старика было чересчур рискованно. Но решения он не поменяет. Когда она произнесла свое предложение, он вцепился в него мертвой хваткой. Сразу придумал, как можно использовать эту Белль. Толка от нее будет гораздо больше, чем от ее папаши.

Если старик правда умирает, держать его здесь не имело смысла. Да, было бы неплохо сделать из него пример, чтобы подкрепить свою власть и упрочить жесткое отношение к развлечениям и папарацци, которые изводят своих жертв лишь потому, что те знамениты.

Но быть повинным в чьей-то смерти принцу не хотелось. К тому же он чувствовал, что девчонка окажется весьма полезной. Его затворничество должно кончиться, хотя принц с радостью остался бы в одиночестве навсегда.

В соглашении с наместником значились определенные условия. Если Адам не взойдет на престол, вся его кровная линия – многовековые правители Олимпиоса – зайдет в тупик.

Хоть принц и утопал в горе, в нем все-таки оставались силы для защиты своего рода.

Но ему нужна сенсация, благодаря которой его уродливая внешность отошла бы на второй план. Если он появится перед людьми в обществе красавицы, это добавит ему весомости. Осталось только подобрать для нее правильную роль.

Принц сжал ладонь в кулак и всмотрелся в изувеченную кожу. Иногда ему так и хотелось себя спросить, не перегибает ли он палку. Но потом он обо всем вспоминал – очень быстро. Да и как иначе, если о прошлом ему напоминало само его тело?

Неожиданно зазвонил телефон, и Адам выругался. Звонил его друг, принц Филип Каррион де ла Вина Кортес.

Он нажал на кнопку и поднес устройство к уху.

– С какой радости, Филип?

– И тебе привет, – лениво ответили в трубке. – Раф тоже на линии, чтобы ты знал.

– Мы на конференц-связи? – спросил Адам. – У тебя проблемы?

Его пылкий друг имел репутацию зачинщика международных скандалов, и Адам не удивится, если тот вляпался в очередную историю.

Положа руку на сердце, Филип и Раф отличались друг от друга как небо и земля, и, если бы не дружба со школы-пансиона, вряд ли сейчас они бы общались.

Последние годы именно эти двое удерживали Адама от полного отшельничества. Поэтому он был у них в долгу. И даже переставал кричать, когда они ему звонили.

– Никаких проблем, – усмехнулся Филип. – Я устраиваю вечеринку – пятьдесят лет правления моего отца. И похоже, этот год будет последним. Разумеется, вы оба приглашены.

– Поводыря-то пропустят? – впервые подал голос Раф.

Филип засмеялся.

– Раф, пора уже найти милашку, которая будет тебя везде водить!

– Не всякая согласится на роль собаки, знаешь ли.

Пять лет назад, при несчастном случае, Раф лишился зрения, и, хотя Адам не знал деталей, он был уверен, что дело не обошлось без женщины.

Подробностями личной жизни Раф делиться не привык. Он не имел отношения к знати, в отличие от них с Филипом, и рос, отнюдь не купаясь в деньгах. С подросткового возраста его продвигал некий итальянский бизнесмен.

Бизнесмен исправно платил за обучение Рафа и выделил ему место в своей компании. Как вдруг случилось несчастье. Но именно оно и подтолкнуло Рафа к следующей ступени успеха. Теперь он и без всякой королевской крови считался одним из богатейших и самых могущественных людей в Европе.

Что бы там с ним ни произошло, Раф в корне изменился.

Адам с Филипом росли озорниками, не задумывающимися об образовании, а Раф относился к учебе серьезно. Он учился в долг и никогда об этом не забывал.

Адам с Филипом проводили время в компании девушек, а Раф постигал науку.

И вот какими они стали... Изрядно потрепанными, за исключением Филипа. О своем беспечном на вид друге Адам беспокоился больше всего. По своему опыту он знал, что по-настоящему беззаботных людей мало, а те, кто напускает на себя вид беззаботности, в глубине души могут переживать сильнейшие травмы.

– Не верю! – вскричал Филип. – Как только она узнает размер твоего... банковского счета, она кинется на любую роль, только предложи!

– Ты так во мне уверен, я просто поражен, – заметил Раф.

– По обаянию Адам тебе и в подметки не годится, тут даже спорить нечего!

Адам стиснул зубы.

– Боюсь, я вряд ли приду на вечеринку, – процедил он сквозь зубы.

– Я так и думал, – усмехнулся Филип. – Но такого ответа не приемлю! В ближайшее время я намереваюсь занять трон. Может быть, отец вздумает от нас отгородиться, объявит нас островитянами, но я этого не потерплю. Я хочу образовать союз с тобой, Адам, и твоей страной, и с тобой, Раф, чтобы ты внедрил в Санта-Милагро экономику. Знаю, Адам, последние годы ты провел в

тени, но правление наместника подходит к концу, и, судя по тому, что твои фотки молниеносно разошлись по таблоидам, тебе пора брать страну в свои руки. Твой облик, каким бы он ни был, все равно станет популярным в народе. Заскочи хоть ненадолго, Адам. Докажи, что ты не трус!

– Что тут доказывать?! – Филип иногда очень сильно раздражал Адама. – Ну, выйду я в свет, но власти-то у меня не прибавится!

– Чушь собачья! Посмотри на Рафа! Если бы он мог, он бы давным-давно ушел в подполье!

Раф рассмеялся, но смех его был невеселым.

– Но я не изувечен. Я просто слепой, – проговорил Раф.

– Вот именно! – вскричал Филип. – Лучшего способа вернуть влияние и власть просто не существует! Да, я в курсе, как ты ненавидишь папарацци за то, что они сделали с тобой и с твоей семьей. Но неужели ты позволишь им командовать парадом? Публиковать фотографии пресловутого чудовища Олимпиоса и придумывать к ним возмутительные заголовки? Да перестань, Адам! Мой школьный друг никогда бы не допустил подобного! Если не ради себя, то ради Ианты.

Если бы Филип очутился сейчас перед ним, ему бы не поздоровилось за то, что он упомянул жену Адама. Но зерно истины в его словах все-таки присутствовало. Стоило признаться, Адам сам о том же подумывал, но Филип этого не знал.

– Возьми в руки бразды правления, – настаивал Филип. – Откройся миру, и Олимпиос снова станет твоим.

«Вот и нашлось применение для моей прекрасной пленницы», – подумал Адам.

– Когда будет вечеринка?

– Через месяц, – ответил Филип. – Главное, чтобы папаша до этого времени продержался.

Лучше бы он не питал особых надежд. Как известно, у Филипа с отцом были сложные отношения. А подробностями трое друзей делились скупно.

- Я буду, - произнес Раф. - Почему нет.

- Ты придешь с девушкой?

- Нет, конечно!

- Я буду с девушкой, - сказал Адам негромко.

- Ты? - не скрывая удивления, переспросил Филип.

- Да. И я очень рассчитываю на свое последнее приобретение.

- Адам... Что ты натворил?

- То, что обычно творят чудовища.

Белль остолбенела, когда ее привели не в подземную камеру, а в изящно обставленную спальню, где стояла кровать с балдахином, задрапированная парчой и украшенная подушками.

- Мне казалось, я пленница? - обратилась она к слуге.

Ее заставили отдать телефон, но, как ни странно, все обращались с ней любезно. Конечно, за исключением принца. Любезное обхождение - это не про него.

- Во дворце достаточно комнат, чтобы содержать в удобстве даже пленников, - сухо ответил слуга.

- Вы не одобряете поступков принца... Не так ли?

Мужчина повел плечами.

- Он не нуждается в моем одобрении. А в неодобрении и подавно.

- Он... сумасшедший? - выдохнула она.

Калека, придумавший ее отцу изощренную месть и принявший ее саму в качестве платежа, вряд ли имел здравый рассудок. Но все-таки она хотела выяснить, с кем имеет дело.

У принца, похоже, имелся план. Он собирался как-то ее использовать, чтобы вернуться под свет софитов. Оставалось лишь надеяться, что ее наказанию есть предел...

- Мозг принца не повредился при аварии, которая оставила эти шрамы, - осторожно проговорил слуга. - Больше ничего не могу сказать.

- Ладно, - ответила Белль, задрожав, и скрестила руки на груди. Ей вдруг стало холодно. Она повернулась к окну, но вместо него в стене была прорублена маленькая узкая щель, через которую виднелось море, освещенное фонарями. - Мой отец уже уехал? - спросила она, но слуга исчез.

Белль вдруг остро ощутила оторванность от мира. И одиночество. Холод пронизывал ее до костей и доходил до сердца. Она согласилась остаться здесь, с этим безумцем, на неопределенное время. Никто за нее не заступится. Отец явно уже уехал, да он и не смог бы помочь. Ему нужно лечиться.

Интересно, принц сообщил отцу, что она заняла его место?

Внутри у Белль все сжалось. Вполне возможно, никто не знает, где она. Она не сообщила Тони, куда именно направляется, иначе он бы ее остановил.

Ни одна живая душа не догадается, что Белль заперта в средневековом замке. А вдруг ее и искать не станут?..

Она тут же отбросила эту мысль. Судя по словам принца, он намерен вывести ее в свет. А значит, ее заключение не останется тайной.

Но что подумает отец? Что он предпримет?

И что предпримет Тони, когда узнает, что ее держит в замке принц-чудак? Она представила, каким был бы их разговор... Тщедушный Тони не шел ни в какое сравнение с мощным сложением Адама.

Адам был...

Не успела она развить мысль, как принц вынырнул из тени. Суровое лицо в шрамах... Сильное тело... Белль вздрогнула.

Ее сердце забилося чаще, а по коже пробежали мурашки. Какой-то необычный страх. Страх, который лился по венам, как пламя.

Страх, от которого вовсе не страшно.

Она услышала тяжелые шаги и поняла, что не закрыла дверь, выставив себя на обозрение. Она метнулась к двери. Но недостаточно быстро.

Адам был уже внутри.

Наверное, впервые в жизни она встретила настолько крупного мужчину. Не меньше двух метров роста, широкоплечий и мускулистый. В ярком освещении его лицо казалось еще более пугающим.

Она снова подумала о том, каким же красавцем он был до аварии.

- Я тебя пугаю? - спросил принц.

- Разве ты не этого добиваешься?

- Отчасти.

Снова никаких подробностей.

- Так я предстану перед высшим судьей? - съязвила Белль. - Или ты и есть высший судья?

- На своей земле я сам вершу законы.

- Иными словами, ты сам себе хозяин.

Он медленно кивнул.

- Что ты намерен со мной делать? - спросила Белль, несмотря на дрожь во всем теле. Ей стоило большого мужества задать вопрос, ответ на который знать ей не слишком и хотелось.

- Я намерен получить от тебя расплату, - ответил он, и по ее спине прошел холодок. - Но сперва я хочу, чтобы ты со мной поужинала.

- Нет! - отрезала она, не успев как следует обдумать свой отказ. - Не хочу я с тобой ужинать!

- Почему?

- Ты взял меня в плен! И притом, ты производишь впечатление человека, абсолютно далекого от цивилизации!

- Да. И еще я очень противный, - с легкой улыбкой добавил он.

Но определение было неверным. Принц был изувеченным. Пугающим. Властным. Но не противным.

- Найди хоть одного человека, кто захочет поужинать со своим тюремщиком, - сказала она, не прокомментировав его последнюю фразу.

- Такова участь пленника, - сухо произнес он. - Выбирать особенно не приходится.

- А что, если я откажусь пойти с тобой? - Белль расставила ноги шире и уперла руки в бока. Нужно его проверить. Вдруг он сумасшедший. Вдруг он поступит с ней, как Генрих VIII? Голову с плеч, и дело с концом. А может, еще что похуже.

– Тогда я перекину тебя через плечо и отнесу в столовую, хочешь ты этого или нет.

– Не хочу.

В ту же секунду расстояние между ними резко сократилось, принц обхватил ее за талию, оторвал от земли и взвалил себе на плечо. Белль удивилась его силе. И легкости, с которой он ее нес. И его жаркому телу...

Его внутреннее пламя передалось и ей. Он зашагал вперед, и, качнувшись, она схватилась за его плечо, чтобы не упасть. Принц повернулся и вынес ее из комнаты.

Глава 3

Девчонка горела, как уголек, в его объятиях. Вот о чем он думал, когда вышел из ее спальни.

Одной рукой Адам обхватил ее за поясницу, другой придерживал за икры. Целых три года он не держал женщину в объятиях и вдруг почувствовал на себе тяжесть этих лет. Больше в его голове ничего не было.

Окутанный мраком, он не допускал и мысли о близости с женщиной. С уходом жены его постель опустела. И он никого не хотел видеть в своей спальне.

Его пальцы ощущали горячую, гладкую кожу Белль. В последний раз, когда он прикасался к женщине, та оказалась застывшей, холодной... Безжизненной.

Стиснув зубы, Адам понес сопротивляющуюся пленницу вниз по лестнице.

– Как ты смеешь? – визжала она, колотя его кулачком по спине.

– Как я смею кормить тебя ужином? – хохотнул он. – Вот такое я чудовище!

- Ты должен был прислать мне корку хлеба! - не унималась она.

- Да, но лучше поешь со мной, сегодня подают ягненка.

- А может, я не ем детенышей животных?

- Ты вегетарианка?

- Нет, - сдалась Белль. - Но все же!

- Если у тебя проблемы в поедании мелких пушистых тварей, всегда можно налечь на овощи и кускус. И еще будет пирог.

- Я могу съесть это в своей комнате, - ответила Белль, отчаянно сопротивляясь его напору.

Ее движения что-то в нем пробудили. Адам не придал этому значения.

- Нет, агаре[2 - Любовь моя (др. - греч.).], не можешь, потому что я тебе этого не предлагал.

Он зашел в столовую и посадил девушку на кресло рядом с собой. Она уставилась на него, широко распахнув глаза. Действительно красавица... Ее темные волосы были собраны в конский хвост, а голубые глаза сверкали недоверчиво, но все равно очаровательно. У нее были пухлые губки - кажется, когда-то ему такие нравились, когда ему еще не стали чужды удовольствия.

По пути Адам успел заметить, что ее фигурка довольно женственна.

- Что ты от меня хочешь?!

- Чтобы ты поела. И желательно, без спектаклей.

Белль насупилась:

- Ты позволил мне поменяться с отцом местами не для того, чтобы меня кормить.

– Верно. Я позволил тебе с ним поменяться, потому что ты меня попросила. И, как я уже упоминал, я посчитал, что ты окажешься для меня полезнее умирающего мужчины.

Девушка чуть не подскочила.

– Так в чем будет состоять эта польза?

Наступил тот самый момент, когда женщина должна томно склониться к мужчине, коснуться его ладони, плеча или создать более интимную обстановку и положить руку ему на бедро. Но те времена давно в прошлом.

Адам посмотрел на прелестные розовые губки Белль. И на мгновение представил, как прижимается к ним своим безобразным ртом. Да, девчонка знатно оскорбилась бы!

– Да в чем угодно! Например, из твоей спины выйдет отличный столик. Правда, неровный.

Она прищурилась:

– А если серьезно?

– Не глупи, я всегда серьезен! – По крайней мере, был таким. До сегодняшнего дня.

Кроме друзей, с которыми он связывался в основном по телефону, Адам иногда перекидывался словом с придворными слугами. С Фосом, который был правой рукой его отца, и Афиной, кухаркой. Остальные часто менялись и старались не попадаться ему на глаза.

Белль была первой, с кем он провел так много времени.

– Действительно помешанный, – фыркнула она.

Пару мгновений спустя появилась Афина в сопровождении кухонного персонала с подносами.

– Сегодня у нас ягненок с мятно-йогуртовым соусом, – возвестила она, краем глаза осмотрев Белль. – Кускус и ассорти из овощей. На десерт пахлава.

– Благодарю, – сказал Адам.

Но Афина не торопилась уходить.

– Ты что-то хотела сказать, Афина? – спросил принц со вздохом.

– Мне все это не по душе! – строго проговорила она.

– А мне все равно, – отрезал он. – Оставь нас.

Афина с грустью посмотрела на него, затем на Белль. Покачала головой и вышла из столовой.

– Слуги не одобряют твоих действий, – заметила Белль, критически осматривая блюда.

– А моя пленница меня не боится, – продолжил он. – Видимо, я где-то промахнулся.

– Я проделала большой путь из Калифорнии, чтобы поставить тебя на место и выволить отца из темницы. Если бы это меня пугало, я бы давным-давно убежала. – Она гордо задрала подбородок, словно приготовившись броситься в бой.

– Посмотрим. Ешь.

Адам немедленно последовал собственному совету, с наслаждением набросившись на ужин, и обглодал один кусочек мяса до кости. А потом почувствовал на себе внимательный взгляд Белль.

- Чего? – буркнул он.

- Мне казалось, членов королевских семей учат элементарному столовому этикету. Ну, раз у тебя здесь другие нравы...

Он швырнул мясо обратно в тарелку.

- Ты решила меня оскорблять при каждом удобном случае? Я устроил тебе ужин. Выделил уютную комнату. А ты и спасибо не сказала!

- Я должна говорить спасибо за то, что меня лишили свободы?

- Это твой выбор. Ты могла бы оставить отца здесь.

- Умирать?

Он пожал плечами:

- Все умирают. И как правило, люди думают о себе, а не об умирающих.

- Отец меня вырастил, – отчеканила девушка. – Кроме него, у меня никого нет. Тебе легко презирать папарацци, но для меня он все. А ты даже не разрешил мне с ним попрощаться!

- Я не стану держать тебя здесь всю жизнь. Не драматизируй.

- Он болен, – упорно гнула свое Белль. – Он мог умереть в мое отсутствие!

Адам вдруг ощутил неприятный укол совести, а он вовсе не собирался истязать себя чувством вины. Только не сейчас.

- Да вряд ли. Ему же хватило сил проникнуть во дворец и сделать фотографии. Затем он продал снимки и не предпринял ничего, чтобы их вернуть, – процедил принц. – Если ты так разбираешься в массовой культуре, может, скажешь, откуда у меня эти шрамы?

Белль потупилась и покачала головой.

– Понадобился лишь один фотограф, который застиг моего водителя врасплох, поздно вечером и в плохую погоду, – сурово проговорил он. – В итоге случилось непоправимое.

Про Ианту ему не хотелось рассказывать. Это уже глубоко личное.

– Прости, я не знала... – пробормотала Белль пристыженно. – Но мой отец не подвергал тебя опасности.

– Согласен, – произнес Адам снисходительно. – Он просто вломился в мой дом и нарушил мое личное пространство.

– Он безобиден, – возразила она. – Многие не понимают работу папарацци. Она бывает довольно... напряженной.

– Все они кровопийцы! Халявщики, которые выжимают соки из людей с талантом или властью.

– Мой отец не кровопийца. Когда мать решила, что не хочет со мной жить, он обо мне позаботился. Да, он фотографировал знаменитостей. Но на эти деньги он кормил меня всю жизнь! – пылко произнесла Белль.

– Существуют и другие способы заработать.

– И это говорит мне принц! Все должны трудиться. А некоторые жилы из себя тянут, чтобы эту работу просто получить!

– Ты читаешь мне лекцию о сложностях жизни? – Он откинулся на спинку кресла. – погоди, дай я возьму бумагу и ручку.

– Я очень сожалею о твоей аварии. Но мой отец в ней не виноват.

– Он хотел использовать мою трагедию для собственной выгоды! – Адам усмехнулся. – И он в этом преуспел.

– Он не хотел причинять тебе боль, – пробормотала Белль. – Ему нужна помощь. Ему нужно собрать денег на лечение.

– Меня не впечатляют твои оправдания. Больше всего на свете я ненавижу прессу. Особенно желтую, представителем которой является твой отец. Я ничего не могу сделать против этих публикаций. Поверь, я пытался. Но есть способ повернуть ситуацию в выгодную сторону.

– Да ну? И какой же это способ? – едко спросила она.

– После аварии я не появлялся на публике, поэтому снимки такие ценные. Ведь всем любопытно, как сильно я изуродован.

– Ты не выходил в свет... Совсем?

– Да. Я, кажется, упоминал это, когда мы познакомились.

– Когда ты взял меня в плен.

– Называй как хочешь. Я упоминал, что вместо меня сейчас правит наместник. Его срок подходит к концу, и, если я не верну контроль над страной, начнутся всеобщие выборы. И монархии придет конец. – Адам внимательно посмотрел на хрупкую девушку, сидевшую перед ним. – Я-то думал, ты навела обо мне справки перед тем, как приехать.

– Не хватило времени. Как бы ты к нему ни относился, я надеюсь, ты понимаешь, что я сильно его люблю.

– Любовь важна только для тех, кто любит, – медленно произнес он, думая о жене. Газетчиков не волновало, что Адам ее любил. Они вечно изводили Ианту, вечно стремились раздуть скандал. – Больше любовь никто не ценит, – с горечью добавил он.

– Расскажи мне о своих планах. Раз уж я в них участвую.

– Я намерен держать тебя рядом, а потом представить миру как свою фаворитку.

Белль оцепенела.

– Как кого?!

– Фаворитку. Повторяю, меня не видели с момента аварии. Когда снимки опубликуют, мне придется выйти из добровольного заточения. И выбрать для этого правильное место и время – грамотный политический прием.

Адам продолжил поглощать пищу. В том, как он управлялся с едой, было что-то варварское. Белль совсем по-другому представляла себе принцев. Но когда он рассказал о затворничестве, все вдруг встало на свои места. Адам жил в замке практически один, ни перед кем не отчитываясь, ни перед кем не рисуясь.

Конечно, она ожидала несколько иного от человека, который лишил ее свободы из-за пары фотографий.

Да, он предупреждал, что ему понадобится ее красота. Итог его рассуждений не должен был ее шокировать.

Но изображать фаворитку?.. Это старомодное понятие вызывало некоторый диссонанс. Да и кто ей поверит? Белль понятия не имела, как играть соблазнительную особу. Или, по крайней мере, скромную кокетку.

Они с Тони познакомились во время учебы, и, если бы он не навещался ежедневно в университетскую библиотеку и не переставал спрашивать, что читает Белль, они бы никогда не начали встречаться. Только благодаря его настойчивости у них состоялось первое свидание.

Тони, Тони... Он, наверное...

– Нет, я на это не пойду, – твердо проговорила она.

– У тебя нет выбора. Ты согласилась стать моей пленницей, терпи теперь.

– Но... нельзя, чтобы весь мир принял нас за пару!

Адам провел пальцами по ее скуле, оставляя на коже огненный след.

– Можно, – сухо ответил он. – Я знаю, для тебя это будет крайне унижительно.

Адам неправильно ее понял, но что-то объяснять ему не было смысла. Он все равно не изменит своего мнения.

– Я и не подозревала, что тебе будет трудно найти девушку, готовую выполнить любую просьбу принца.

– Таких, как я, с большим состоянием и властью, довольно много. Но не у всех из нас болезненное чувство юмора и искаженное лицо.

– Значит, ты хочешь, чтобы я сыграла твою девушку? – напрямую спросила Белль.

– И не только. Я представлю тебя своей возлюбленной, так что никаких выходов. Или придется заняться твоим отцом.

Белль почувствовала себя беспомощной. Как настоящая пленница.

– У меня есть парень.

Как будто факт существования Тони мог остановить Адама.

– Больше нет.

У нее екнуло сердце.

– Но ты не можешь меня заставить порвать с ним!

– Да и не надо. Все равно поговорить с ним ты не сможешь. Такой сценарий даже лучше: он бросится к СМИ с упреками в адрес бывшей девушки, которая променяла его на это... – И он показал на себя.

– Ты хочешь меня унижить? Из-за отца?

– Нет, – резко ответил он. – Я хочу вновь вернуть внимание общественности. – Адам мрачно засмеялся. – А это весьма непросто. И будь я проклят, если позволю себя жалеть. Или презирать. Когда я войду в зал и предстану перед светом, все будет так, словно я его и не покидал. Да, сейчас мне страшно, но меня будет сопровождать красавица, и народ решит, что я вернусь на трон с той же легкостью, с какой затащил тебя в постель.

– А когда вечеринка закончится?

– Тебя отпустят, само собой, – небрежно ответил Адам. – Сочинят легенду о нашем расставании. За такой короткий срок мне бы все равно не удалось обзавестись семьей. Но когда-нибудь точно обзаведусь. Когда насыщусь десятком-двумя красоток вроде тебя.

Его самоуверенность должна была разозлить Белль. Но ее вдруг бросило в жар.

– Мне нужен телефон, – с силой произнесла она, думая о Тони. Стараясь думать о Тони.

– Увы.

– Но я согласилась на твои условия!

– Ты же не гость, а пленница. Без моего позволения ты не сможешь ни с кем связаться. Твой отец – паразит, низшая формы жизни, а я не знаю наверняка, вдруг ты тоже фотограф, и вдруг, при удобном случае, ты поступила бы так, как он. Знатная получилась бы уловка, а?

Белль это даже в голову не пришло.

– Вообще-то я без пяти минут магистр по литературе.

– И что же ты будешь делать с таким образованием?

– Учить других. Я не осуждаю отца, но и по его стопам не пойду.

- И вот ты здесь! - Адам широко раскинул руки. - Это называется, не по его стопам?

- Спасибо, я наелась, - буркнула Белль, покосившись на едва тронутое блюдо.

- А я еще нет.

- Я пойду в свою комнату.

- Пойдешь, когда я закончу. И советую тебе доесть, больше я предлагать не буду.

- Я действительно сыта.

- Меня не устраивает вариант отправиться на вечеринку с высохшей мумией. Платье должно идеально облегать твои женственные формы.

Белль вспыхнула:

- Какое ты имеешь право распоряжаться моими формами?! Они тебе не принадлежат! Я сыграю для тебя этот спектакль, но к моему телу доступ ты не получишь.

Адам поднялся и подошел к ней. Затем наклонился и кончиками пальцев провел по ее щеке. Девушка, как замороженная, уставилась на его лицо. На его кожу в рывинах, на опущенный уголок рта, на шрам, пересекавший правый глаз. Белль поняла, что шрам не испортил его зрение. Адам все видел. Адам видел ее насквозь: и лихорадочное течение крови по ее венам, и бешеный стук ее сердца.

- Для меня не существует запретов, - ласково произнес он. - Запомни это раз и навсегда.

- Я же говорила...

- У тебя есть парень? Прекрасно. Но я запер тебя в своем замке, Белль. Как думаешь, меня может волновать твоя личная жизнь?

– Учитывая, что... – Она нервно сглотнула. – Что за сорок восемь часов у тебя появилось двое заключенных, ты вряд ли переживаешь о бойфрендах.

– Правильно. – Адам снова опустился в кресло, и ей заметно полегчало. – Знаешь, а ведь это прелюбопытнейшая вещь! У тебя все отнимают, ты сужаешь свой мир до пределов дворца, и вдруг появляется столько времени на размышления.

– Вижу, ты прошел свой собственный путь а-ля «Есть, молиться, любить»[3 - «Есть, молиться, любить» – книга мемуаров американской писательницы Элизабет Гилберт.] и просветлился, – заметила она.

– Не совсем. Просто я много думал о том, что ценно, а что нет.

– И что же для тебя является ценным?

– Выживание в этом мире. Больше ничего. За то, как ты живешь, тебя не наградят, Белль. Помни об этом.

– У тебя хватает наглости высказываться о профессии моего отца, и в то же время ты говоришь, что нравственность не имеет значения?

– Нравственность затрудняет выживание. Когда у тебя ничего не остается, природная потребность дышать поддерживает в тебе жизнь. Когда вокруг все исчезает, у тебя есть лишь вдох и секунды перед выдохом. Иногда ты живешь только ради этого. – Адам оторвал зубами кусок мяса. – Всеми людьми управляют естественные потребности. Не образ жизни, не то, чем ты владеешь.

Она покачала головой:

– Это не про меня. Я люблю книги. И океан. Нагретый солнцем песок, который ласкает мою кожу. – Его глаза сверкнули, и она почувствовала, что краснеет. – Это гораздо ценнее выживания. Потому что придает жизни смысл.

Адам невесело рассмеялся:

– Ты удивишься, но когда я смотрю по сторонам, то вижу смысл в своем существовании и одновременно не вижу никакого. Меня окружает пустой,

мрачный, безжизненный дворец. Когда у меня болит каждая кость в теле и я едва встаю с кровати, то спрашиваю себя: «Почему я до сих пор дышу?» И ответ не в книгах и не в песке.

- А в чем? – вырвалось у нее.

- Я слишком упрям, чтобы сдаться смерти. – Он встал. – Все, я закончил. Пойдем, провожу тебя в твою комнату.

- Не стоит.

- Стоит! – безапелляционно сказал он. – По дороге я расскажу несколько основных... правил.

Белль разозлилась. Она не привыкла действовать по чьей-то указке. Отец воспитывал ее иначе. Частенько он не знал, как обращаться с маленькой дочкой, но он ее любил, и Белль старалась доставлять ему как можно меньше хлопот, видя его старания. Она помнила, как ей жилось с матерью.

С папой было вольготнее. Он старался никогда ее не критиковать. Она сама выбирала себе ужин, одежду, решала, куда пойти вечером и когда остаться дома.

И этот самодур-принц решил, что она примет его правила? Нет, этого не будет из принципа!

Закусив губу, Белль промолчала. В ее сердце все-таки прокрался страх. Она ведь точно не знала, какой он человек. Не знала, на что он способен.

Смириться будет трудно. Удары судьбы обрушивались на нее один за другим. Но если бы она получила все сразу, то тут же сошла бы с ума.

- Если проголодаешься, скажешь Афине, и она тебя покормит, – начал он.

- А нельзя мне самой приготовить себе еду?

- Нет, – буркнул он.

– Ладно... Я не удивлена.

Белль поплелась за принцем по длинному коридору к лестнице.

– Там выход к саду, – сказал он, указывая налево. – Можешь исследовать всю территорию дворца, залы и библиотеки для тебя открыты. Но только не мои покои.

– Ясно, – пробормотала она, немного успокоившись. В его покои ее не тянуло.

– Я живу в восточном крыле.

– Один занимаешь целое крыло?

Он приподнял бровь:

– Мне необходимо много личного пространства.

Адам отвернулся, продолжая путь. В его непримечательной фразе скрывалось больше смысла, чем он предполагал. Он поглощал собой не только все пространство, но и сам воздух помещения, где бы ни находился.

– Может, все-таки вернешь мне телефон? Очень нужно позвонить.

– Пока это невозможно, – отрезал он. – У меня своя политика, у тебя своя. И наши убеждения не должны пересекаться, – безжалостно продолжил он.

– Значит, ты намерен держать меня в отрыве от всего мира?

– Это не так ужасно.

Белль вдруг осенило, что она вынуждена жить с человеком, который не покидал своего дома несколько лет. Адам никак не мог понять, что изоляция не всем нравится. Потеря человеческого облика его не волновала. Ему было невдомек, что Белль может хотеть большего. Что ей необходимо нечто большее.

Здесь можно умереть с тоски, а этот феодал даже не заметит, что с тобой что-то не так.

- Мне нечего надеть, - призналась Белль.

Когда они подошли к ее спальне, она поняла, что не взяла с собой одежды. На ней были те же джинсы и кофта, в которых она вчера села в самолет.

- Я что-нибудь раздобуду. Завтра принесут. А сейчас ничем не могу помочь.

- Но... Мне не в чем спать.

Он скользнул по ней жарким взглядом.

- Так спи голый. Бери с меня пример.

Ее воображение услужливо нарисовало его обнаженное тело. Интересно, как далеко протянулись его шрамы? Его кожа изранена полностью или только частями?

Ее охватили странные ощущения, от которых кожа покрылась мурашками.

Адам пристально смотрел на Белль. Между ними словно вспыхнули искры. Она вдруг четко осознала, сколько силы и самообладания потребовалось от него, чтобы запереться здесь.

- Удаляюсь, - бросил он и повернулся.

Ей почему-то захотелось его остановить, чтобы продлить приятный момент. Она на несколько мгновений замерла.

Принц покинул ее спальню и зашагал по коридору, а Белль с облегчением выдохнула, даже не заметив, как задержала дыхание. Потом бросилась запирать дверь, хотя зачем? У тюремщика ключи все равно найдутся.

Белль прижала руки к груди, надеясь унять бешено бьющееся сердце, всхлипнула, и по ее щеке скатилась слеза. Она рухнула на кровать. Одна, совсем одна... Ни папа, ни Тони не знают, где она находится.

И до них тоже не добраться. Помощи ждать неоткуда. Придется доверить себя мужчине, который посадил ее в клетку.

Этому увечному и необыкновенно красивому мужчине, от которого всегда веяло холодом.

Белль зажмурилась, стараясь поскорее уснуть. Мысли закружились в безумном вихре, но его мрачные глаза следили за ней неотрывно. Черные глаза на израненном лице были окнами в его израненную душу.

Адам не давал ей покоя.

«Я представлю тебя миру как свою фаворитку».

Внизу ее живота вдруг появилось приятное тепло. И прежде чем погрузиться в сон, она подумала, что это не похоже на страх... И на гнев... Чувство было какое-то неизвестное.

И признавать его она отказывалась.

Глава 4

Замок преобразился. Неужели из-за девушки, которая в нем поселилась? Адаму не хотелось придавать ей такую значимость. Во дворце часто бывали женщины: гости или члены персонала, которых он старался избегать. Больше десяти лет у него работала Афина.

С появлением Белль ничего не должно было измениться. Но он ощущал ее присутствие даже в воздухе. Адам усмехнулся. Видимо, Филип попал в точку. Из-за своей изоляции он начал потихоньку съезжать с катушек.

Настолько привыкнуть к дворцу, чтобы чувствовать каждого нового человека... Да, это пахивало безумием.

Хотя гораздо безумнее было охватившее его возбуждение, когда вчера вечером он дотронулся до Белль. Совершенно зря. В нем проснулись эмоции, которых он никогда не испытывал.

Впервые на своей памяти принц почувствовал себя неприкаемым. Обычно он занимался своими делами, не покидая стен замка, или, если ему хотелось сменить обстановку, в саду. Часто также он занимался физкультурой.

Сейчас все изменилось. И перемены его не радовали.

Адам бродил по дворцу, и, завидя его, слуги прятались кто куда. Он как будто излучал свое плохое настроение.

Если бы появились неотложные государственные дела, Фос о них бы уже сообщил. Но советник не приходил, а значит, работы не предвиделось.

Адама это страшно разозлило.

Мимо прошмыгнула служанка, и он остановил ее взглядом.

– Принесите кофе в библиотеку! – скомандовал он.

– Простите, ваше величество, но кофе уже там, – пролепетала она, поклонившись.

– С чего вдруг?

– Это для леди... Афина распорядилась подавать ей еду, где бы она ни находилась.

Ну конечно! Домоправительница решила перехватить у него бразды правления!

– Вы поступили правильно, – успокоил он служанку. – Можете идти.

Адам направился в библиотеку. И увидел там Белль. Она сидела в кресле, поджав под себя ноги. Одежду со вчерашнего дня она так и не меняла. Точно, ей же нечего надеть. Надо будет проследить, чтобы ей подобрали наряды.

Девушка увлеченно читала книгу и не заметила, как он вошел.

- Наслаждаешься чтением?

Белль подпрыгнула на месте и подняла на него круглые от удивления глаза.

- Как видишь, - процедила она. Ее бледные щеки порозовели. Неужели от смущения? Или от злости? Скорее, от злости.

- И о чем там?

- Тебя не заинтересует. - Она захлопнула книгу, зажав палец между страницами, склонилась над столиком у кресла и взяла чашку.

На столе стояли еще одна чашка и графин. Адам налил себе кофе.

- Мне сказали искать здесь и тебя, и кофе.

- Судя по всему, ты нас нашел. - Она покосилась на него и задумчиво прижалась губами к краю чашки. - Ты сам говорил, что я могу заходить куда угодно, только не к тебе.

- Верно.

- Тогда почему ты ходишь по дворцу с недовольным видом? Ты сам меня здесь запер.

- Да, ага, а ты сама предложила сделку. Так что не возмущайся. Я твою просьбу исполнил.

- Лучше бы ты нас обоих освободил.

Адам засмеялся:

- Ну, нет, так не пойдет. Думаешь, я буду поступать определенным образом только потому, что это правильно?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Госпожа (фр).

2

Любовь моя (др. - греч.).

3

«Есть, молиться, любить» – книга мемуаров американской писательницы Элизабет Гилберт.

Купити: https://telnovel.com/eyts_meysi/chudovische-v-plenu-krasavicy

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)